## РАЗСКАЗЪ МАВРА ІОКАЯ.

Да, да! проговорилъ, послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія, толстякъ баронъ, человѣкъ уже не молодой, — всѣ вы, милостивые государи, конечно, знаете графиню Рэней... только не старую Рэней, нѣтъ, Господь съ ней, а нашу цвѣтущую волшебницу — этого безподобнаго чертенка, мою царицу черноокую! Мою!... Ахъ, когда бы она была моя!... И такъ, вы всѣ, говорю я, знакомы съ ней, вѣдь не даромъ каждый изъ васъ вздыхалъ у ея очаровательныхъ ножекъ, подобно мнѣ! Вотъ видите, какъ вы всѣ сразу встрепенулись при одномъ ея имени!

Ну-съ, а извѣстно ли вамъ, господа, что самымъ счастливымъ среди васъ былъ я одинъ? Да, да! Именно я, жалкій, бѣдный, — вашъ покорный слуга! Вообразите только, что однажды мнѣ цѣлую ночку пришлось провести съ нею на единѣ, въ каретѣ! То есть не совсѣмъ, конечно, наединѣ; съ нами была и компаньонка, но развѣ она идетъ въ счетъ. Какъ бы то ни было, но я видѣлъ въ этомъ несомнѣнный знакъ рас-

положенія и отличія! Да, ужъ это вы должны признать... Однако, господа, скажу вамъ по совѣсти, — чортъ съ нимъ съ подобнымъ расположеніемъ!

Представьте себѣ! ей какъ-то вдругъ пришла въ голову пренесчастная мысль, что завтра въ Арадѣ балъ, и что она должна присутствовать на немъ, во что бы то ни стало! Понятное дѣло, приказано сію минуту запречь лошадей. А тутъ, какъ на зло, въ это время я у нея былъ одинъ! — Милый баронъ! Окажите любезность, будьте моимъ провожатымъ въ Арадъ! Понимаете: „милый баронъ“ и „окажите любезность“... Что подѣлаешь! — Графиня, ma déesse, возразилъ я: поглядите, какая темень, зги не видно! Вѣдь мы тысячу разъ опрокинемся, тысячу разъ шею свернемъ себѣ! У насъ на пути три рѣки, и, конечно, было бы диво, еслибъ хоть на одной былъ поставленъ сносный мостъ! Мы утонемъ, графиня! А затѣмъ намъ нужно проѣзжать черезъ безконечный лѣсъ, этотъ распроклятый лѣсъ, гдѣ подъ каждымъ кустомъ, пожалуй, сидитъ какая нибудь отчаянная башка, душегубецъ — и мы будемъ убиты... Вѣдь одинъ я не смогу защитить всѣхъ! И, позвольте, развѣ такъ необходимо ѣхать именно сегодня! Сѣли бы себѣ завтра, послѣ утрешняго чаю, въ карету, — въ полдень были бы въ Арадѣ, а къ вечеру и туалетъ успѣли бы сдѣлать.

— Отправимся лучше, завтра, графиня!

Вотъ такимъ-то образомъ убѣждалъ я ее. Да, нѣтъ! И слушать не захотѣла! Сейчасъ, непремѣнно сейчасъ ѣхать! Впрочемъ, вы знаете, что чѣмъ старательнѣе отговаривать ее, тѣмъ упорнѣе она будетъ отстаивать свое. Увѣряетъ, что не можетъ-вѣдь она отложить все на послѣднюю минуту, что вѣдь ей, послѣ дороги, отдыхъ нуженъ. „Подумайте, развѣ я могу разбитая, утомленная, выйти изъ экипажа и — прямо на балъ“! При томъ-же, понимаете-ли, это ея страсть, ея самое любимое наслажденіе путешествовать ночью — въ этомъ вѣдь столько прелести, столько поэзіи! Эти тамъ звѣзды, лягушечье кваканье, блескъ луны, и прочее и прочее. Конечно, и звѣзды эти, и это кваканье, и лунный блескъ — все это, ни болѣе, ни менѣе какъ предлогъ!

Просто это былъ одинъ изъ ея обворожительныхъ капризовъ, — а ея капризы, вамъ всѣмъ это хорошо извѣстно, должны исполняться, чего бы они ни стоили...

Enfin, messieurs, какъ мнѣ приходилось поступить въ данномъ случаѣ? Или отправиться съ нею или въ замкѣ оставаться!

Вы только вообразите себѣ, какая чертовская альтернатива! Понятно, пришлось остановиться на первомъ, и въ вознагражденіе за такую отвагу, я получилъ позволеніе быть съ нею въ экипажѣ vis-à-vis.

Что такъ, то — такъ! Это было адски-томительное наслажденіе! Графиня засыпала меня выраженіями своей благосклонности; то картонку дастъ держать, то свертокъ съ башмачками, или нессесеръ какой нибудь, такъ что, въ концѣ концовъ, я очутился съ цѣлымъ ворохомъ всякихъ связокъ и ящичковъ, — а моя deesse изволила, видите, заснуть. Я къ ней и съ тѣмъ и съ другимъ, а она — ни словечка! Да, милостивые государи, представьте себѣ, она почивала, почивала самымъ безмятежнымъ

сномъ! Только по временамъ, когда колесо задѣвало за камень, и кузовъ экипажа вздрагивалъ, она поспѣшно привставала, раскрывая глаза: Цѣлъ мой нессесеръ? А обувь моя? Смотрите, не усѣлись ли вы на мои картонки? Ради всего святого, дорогой баронъ, берегите вещи! — и, глядь, снова заснула! А потомъ и компаньонка туда-же, начала съ просонокъ невыносимо охать, — на мигрень жаловаться. Я не вытерпѣлъ и тоже сомкнулъ глаза, чтобы показать только, будто сплю!

Вдругъ карета стала и начала все больше и больше накрениваться набокъ, точь въ точь какъ будто у ней явилось желанье чуточку полежать, дать себѣ отдыхъ.

— Ну, что тамъ еще? пробудившись, спрашиваетъ графиня не безъ досады въ голосѣ.

Кучеръ слѣзъ съ козелъ и подошелъ къ окошку экипажа.

— Заблудились мы, кажись, ваше сіятельство!

— Что за бѣда? отвѣчаетъ графиня; какъ будто передъ нами не дорога! Съ Богомъ!..

— Эхъ, ваше сіятельство, дорога бы еще ничего, только...

— Вѣдь приведетъ же куда нибудь эта дорога!

— Приведетъ-то, приведетъ, ваше сіятельство, только къ недоброму мѣсту!

— Пустяки! Всякое мѣсто — доброе мѣсто! Ну, гдѣ мы теперь?

— Въ Солонтаевскомъ лѣсу!

— И что-же, какъ будто этотъ лѣсъ безконеченъ? Помнится мнѣ, его можно изъѣздить вдоль и поперегъ часа въ два не больше!

— Кучеръ труситъ, графиня — попытался я тутъ вставить свое слово.

— А развѣ онъ деньги получаетъ за то, чтобы трусить?

— Онъ боится, графиня, чтобы съ вами не случилось чего нибудь непріятнаго.

— Какъ будто это его дѣло!

— Или, чтобы съ лошадьми не случилось...

— Ну это ужь до него прямо касается!

— Ваше сіятельство! Въ этомъ лѣсу, смѣю вамъ доложить, шатается разная, къ примѣру сказать, голытьба, бѣдная...

— Ахъ, вотъ отлично! Неужели нашъ-то кучеръ многимъ богаче...

— Графиня! Вы не желаете уразумѣть!

Кучеръ называетъ голытьбою тѣхъ, кто отнимаетъ у проѣзжихъ лошадей, а иногда беретъ въ придачу и экипажъ съ вещами. Графиня, моя божественная, съ этимъ шутить нечего! Мы рискуемъ лишиться лошадей, жизни... и, можетъ статься, и еще чего либо... А у меня, вдобавокъ и револьвера нѣтъ!

— Развѣ вы хотѣли бы, чтобы и его у васъ отняли! Расхохотался маленькій бѣсъ, и, не успѣлъ я схватить ее за руку, какъ она отперла дверцу и выпорхнула съ легкостью и граціей изъ кареты.

— Господи! какая восхитительная ночь! Что за благовоніе въ лѣсу! А свѣтляки, какъ блестятъ-то! Милый баронъ, взгляните, взгляните, прошу васъ!

— Рѣшительно ничего невижу, графиня! Такая темень, что хоть глазъ выколи!

— Не видите ничего? А поглядите туда, — межъ деревьевъ. Неужели не видите, какъ тамъ мигаетъ огонекъ!

Кровь остановилась въ моихъ жилахъ... Навѣрное мы очутились неподалеку отъ какого нибудь притона разбойниковъ.

Когда и кучеръ всмотрѣлся, его лицо выражало такое состояніе, какъ будто горло его было стиснуто петлей.

— Милостивая госпожа, ваше сіятельство! Вѣдь то шинокъ, въ которомъ собирается эта самая голытьба!

— Вотъ великолѣпно! Кучеръ, держи къ шинку! Все равно намъ негдѣ больше ночевать!

Тутъ я впалъ въ полное отчаяніе. Ради Господа Бога, графиня! Что вы хотите дѣлать! Помилуйте, это то самое страшное, разбойничье гнѣздо, гдѣ насъ всѣхъ перерѣжутъ, гдѣ шинкарь въ стачкѣ съ разбойниками, гдѣ погибло столько путешественниковъ! Я на дняхъ еще читалъ въ одной газетѣ...

Громкій смѣхъ женщины-демона прервалъ мою тираду. Какія глупѣйшія сказки! сказала она презрительно.

И кому это, позвольте васъ спросить, будутъ страшны подобныя воображаемыя чудовища? Разумѣется, если бы по близости былъ какой нибудь отель, мы въ него и заѣхали бы; а нѣтъ его — и плакать нечего, будемъ и корчмой довольствоваться! Сказавъ это, она велѣла кучеру ѣхать за ней шагомъ, объявивъ, что сама пойдетъ пѣшкомъ и будетъ указывать путь.

Мы всячески увѣщевали, мы убѣждали ее; но ничто не помогало. Ей ставили на видъ наидостовѣрныя происшествія съ разбойниками, а она на это пригрозила намъ, что сама, одна отправится въ чарду, если мы не пойдемъ за нею.

Отъ молодой графини и этого вполнѣ можно было ожидать.

Когда мы подошли поближе къ чардѣ, мы услыхали звуки цыганской музыки.

— Mon Dieu! вырвалось у меня невольное восклицаніе; должно быть всѣ шайки собрались здѣсь отовсюду!

— Ну вотъ, шутила графиня, у насъ было намѣреніе попасть на балъ, — балъ какъ разъ передъ нами! Что за счастливое совпаденіе.

И она пошла прямо по направленію ко входу.

Вдругъ меня осѣнила мысль такого рода: а не лучше ли будетъ здѣсь сразу повернуть налѣво кругомъ и оставить графиню одну, а самому убраться подобру-поздорову. Но, тутъ я сообразилъ, что это вышло бы неприлично. Да и къ тому же неудобоисполнимо, потому что компаньонка, мадемуазель Цезарина ухватилась за меня обѣими руками и вовсе не намѣрена была выпускать меня. Несчастная дрожала какъ осиновый листъ и отъ страха едва не умерла.

Еще издалека долетали до нашего слуха дикіе крики и какіе-то стоны, сопровождавшіе пляску въ шинкѣ. Но это вовсе не удерживало графиню; она смѣло отворила дверь и вошла.

Мы очутились въ длинномъ, закоптѣломъ помѣщеніи. Сначала, отъ страха, мнѣ показалось, будто передъ нами двигается и шумитъ съ полсотни головорѣзовъ. Но, нѣсколько придя въ себя, я сталъ считать ихъ и увидѣлъ, что ихъ было всего девять человѣкъ, включая сюда и самаго хозяина корчмы и трехъ цыганъ музыкантовъ. Но и пятерыхъ для меня было вполнѣ достаточно. Мысленно я посылалъ ихъ ко всѣмъ чертямъ, въ преисподнюю.

Да! цѣлыхъ пять рослыхъ, мужественныхъ молодцовъ! Ихъ головы доставали чуть не до потолка. Пистолеты — у каждаго было по одному — лежали въ уголку, въ сторонкѣ. Я тотчасъ запримѣтилъ ихъ.

Ну, ну! Если изъ этого притона намъ удастся живими унести ноги, то, значитъ, мы счастливыми родились на свѣтъ! Увидя вошедшихъ, молодцы пріостановили свой танецъ и пожирали насъ своими огромными, огненными глазами. Очевидно наша дерзость поразила ихъ до нельзя.

А графиня-то наша, смотрю, подходитъ къ танцующимъ и говоритъ съ своей обычной улыбкой, полной очарованія.

— Извините, пожалуйста, если мы помѣшали вамъ веселиться! Мы потеряли дорогу и такъ какъ въ подобную темноту нѣтъ возможности продолжать путь, то мы ждемъ, что вы намъ дадите пріютъ на эту ночь!

Едва графиня кончила, какъ къ ней подошелъ одинъ изъ пятерыхъ разбойниковъ — красавецъ собой, самый статный между ними — закрутилъ свои усы съ нафабренными концами, скинулъ свою маленькую шля-

пу, щелкнулъ громко шпорами своихъ длинныхъ сапогъ и, слегка поклонившись графинѣ, съ улыбкой отвѣтилъ, что ея появленіе не только не стѣсняетъ его, но напротивъ, онъ сильно польщенъ и осчастливленъ тѣмъ, что она пожаловала; онъ отрекомендовался ей, сказавъ что она видитъ передъ собой Фекетэ Іоси, (у меня при этомъ имени мурашки по тѣлу забѣгали: Фекетэ Іоси! знаменитый разбойникъ!) что онъ пируетъ съ друзьями, а потому, въ качествѣ хозяина праздника, осмѣливается спросить, съ кѣмъ онъ имѣетъ честь разговаривать.

Я сбирался было мигнуть графинѣ, чтобы она скрыла по крайней мѣрѣ хоть имя свое, но маленькій чертенокъ быстро отвѣтилъ: графиня Рэней, здѣсь по сосѣдству.

— Имя это мнѣ знакомо, сударыня. Старикъ графъ однажды послалъ мнѣ въ догонку пулю, но она пролетѣла мимо. Позвольте васъ просить присѣсть, графиня!

Пріятная встрѣча, нечего сказать!

Графиня заняла мѣсто на скамьѣ. Фекетэ усѣлся рядомъ. Мнѣ онъ не предлагалъ садиться, словно меня здѣсь совсѣмъ и не было.

— А позвольте узнать, куда это вы ѣдете такъ поздно, ночью?

— Не говорите, ни за что! говорилъ я ей глазами.

— Въ Арадъ, въ мѣстный клубъ на балъ. (Теперь, подумалъ я, съ бальнымъ нарядомъ, съ брильянтами надо проститься на вѣки)!

— Вотъ какъ! Такъ васъ привелъ сюда счастливый случай. И у насъ тоже балъ, и если графиня не побрезгаетъ нашимъ приглашеніемъ, то я могу доставить вашему сіятельству много удовольствія. Мы наняли превосходныхъ музыкантовъ! Чардамъ этихъ цыганъ просто всю кровь зажигаетъ! Гей! Валяйте пѣсню о темешварской красавицѣ! Да, смотрите, играть какъ слѣдуетъ!

И вообразите, нахалъ, не говоря худого слова, какъ только заиграли цыгане,

подхватилъ мою красотку-графиню, взявъ ее за чудесную талью, и сталъ кружиться съ нею по срединѣ корчмы.

Другой негодяй подлетѣлъ къ мадемуазель Цезаринѣ и, полуживую отъ волненья и ужаса, принялся вертѣть по комнатѣ и потомъ сдалъ ее другому, изъ рукъ въ руки. Пляска длилась и бѣдняжка находилась въ невообразимомъ состояніи.

Совсѣмъ не то было съ моей графиней. Она съ наслажденіемъ кружилась въ вихрѣ танца, вся сіяющая, блестящая, какъ будто дѣло происходило въ арадскомъ клубѣ, словно она плясала на скользкомъ паркетѣ. И, кажется, никогда невидалъ я ее такой искусительно - прекрасной, какъ въ тѣ минуты. Часто приходилось мнѣ смотрѣть на венгерскіе національные танцы и на сценѣ, и на балахъ, но какъ танцовала эта пара тамъ въ корчмѣ, я, право, въ жизнь свою не забуду.

Сначала бетьяръ нѣсколько разъ провелъ свою даму по комнатѣ; движенья его были плавны и важны, взглядъ сіялъ гордостью. Прошелъ мигъ, и онъ сразу очутился на срединѣ жилья, оглушительно вскрикнулъ и мадъярскій мотивъ, исполненный дикой страсти зазвучалъ пламеннѣе, жарче. Тогда и графиня, въ свой чередъ, стала выступать медленно, граціозно; словно мотылекъ, касающійся то одного, то другого цвѣтка, но не останавливающійся нигдѣ, порхала она по комнатѣ, описывая воздушные круги. Молодецъ склонялся къ ней изрѣдка, какъ будто намѣреваясь обнять ее, затѣмъ мгновенно останавливался, откидывалъ голову назадъ и съ безподобной ловкостью летѣлъ въ противоположную сторону — тогда какъ графиня, эта маленькая, очаровательная фея то устремлялась къ своему кавалеру, точно хотѣла броситься къ нему на грудь, то снова удалялась, маня его поминутно за собой. Только по глазамъ ихъ можно было

замѣтить, что они составляли одну пару. Наконецъ, бетьяръ совсѣмъ обернулся, очутился лицомъ къ музыкантамъ-цыганамъ, а спиной къ графинѣ, точно, съ досады собираясь танцовать одинъ, черезъ мигъ опять повернулся, сдѣлалъ прыжокъ, руки танцующихъ встрѣтились, и, бетьяръ завертѣлся съ нею въ вихрѣ танца, мелькая подобно молніи, такъ что у меня въ глазахъ помутилось.

Я все время страшился какъ бы наглецъ этотъ, въ чаду опьяненія, не дозволилъ себѣ что нибудь неприличное въ отношеніи графини. Удобныхъ случаевъ, кстати, было весьма много. Графиня находилась въ его полной власти; да и чего было ему и безъ того осужденному, страшиться! Только однимъ злодѣяніемъ было бы меньше... Но во всякомъ случаѣ, я мысленно рѣшилъ, что если только парень позволитъ себѣ малѣйшую непристойность относительно графини, я мигомъ брошусь къ пистолетамъ и застрѣлю его, какъ собаку! Вы смѣетесь, господа? Parole d'honneur, я твердо рѣшился на это.

Но, слава Богу, ничего не случилось. Атаманъ разбойниковъ, окончивъ танецъ, почтительно посадилъ графиню на мѣсто, вѣжливо приложился къ ея ручкѣ, и затѣмъ, положивъ мнѣ на плечо, свою ручищу, безъ стѣсненія заговорилъ со мною въ самомъ фамильярномъ тонѣ.

— А вы, папаша? развѣ не охотникъ до танцевъ?

Вы слышите, это онъ меня-то „папашей“ обозвалъ...

— Благодарю васъ! Я совсѣмъ не танцую!

— А — это другое дѣло! Послѣ этого онъ тотчасъ обратился къ своей дамѣ.

— Не взыщите, графиня, что мы не приготовились, какъ слѣдуетъ, къ пріему такихъ гостей! Не побрезгайте, чѣмъ Богъ послалъ!

Это разбойникъ намъ объ ужинѣ говорилъ.

Попали мы на банкетъ — нечего сказать! На длинный столъ притащили большой котелокъ; въ немъ лежала разрѣзанная баранина, до самаго верха. Шайка усѣлась вокругъ стола.

О тарелкахъ, конечно, и упоминать нечего, ихъ не полагалось совсѣмъ, а потому каждый таскалъ свою порцію прямо изъ котелка, продѣлывая эту операцію при посредствѣ ломтя хлѣба и своего карманнаго ножа.

Графиня моя кушала такъ, будто ей трое сутокъ ѣсть не давали. Атаманъ выбиралъ ей лучшіе куски и нарѣзывалъ ей пшеничный хлѣбъ, ломоть за ломтемъ. Ея великолѣпному аппетиту положительно можно было позавидовать.

Вдругъ молодецъ примѣтилъ, что я ничего не ѣмъ. Сперва онъ порядкомъ наморщилъ свой лобъ, но затѣмъ онъ пересталъ гнѣваться, и, съ улыбкой спросилъ меня, отчего я не прикасаюсь къ пищѣ.

— Кушали бы себѣ на здоровье, папаша! Вамъ необходимо подкрѣпиться! Тѣмъ болѣе, что краденое всегда и вкуснѣе и сытнѣе!

Какъ видите, плутъ не намѣренъ былъ стѣсняться! Вѣдь вотъ наивность-то проклятая.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ я, здѣсь слишкомъ много перцу!

Бутылка съ виномъ обходила ужинавшихъ. Другой посуды у нихъ никакой не было. Фекетэ Іоси пилъ, какъ истый мужикъ, сперва самъ, затѣмъ вытиралъ поверхность горлышка рукавомъ своей рубахи и передавалъ бутылку графинѣ. Сумасбродка принимала ее охотно изъ рукъ разбойника, подносила къ своимъ миленькимъ губкамъ и дѣлала такой приличный глотокъ, какой былъ бы впору настоящему мужчинѣ. Да, вообразите, messieurs, она пила! И какъ еще пила, совсѣмъ не по капелькѣ.

Очередь дошла и до меня. Выпейте, выпейте, старинушка, (вотъ тебѣ разъ, еще и „старинушкой“ называетъ!), выпейте, иначе вамъ спать захочется!

— Спасибо! Я не могу пить. Я лечусь гомеопатіей...

Ага! — улыбнулся онъ — понимаю-съ! similia similibus (часъ отъ часу не легче! Онъ и по латыни знаетъ!) Я тоже пользуюсь гомеопатіей. Вотъ вчера я плохо чувствовалъ себя отъ вина, а сегодня имъ-же и лечусь...

Безъ сомнѣнія разбойникъ хотѣлъ насъ подпоить сперва, а затѣмъ уже отправить на тотъ свѣтъ. О, меня никто не могъ разубѣдить въ этомъ. А какъ они сами пили! Ихъ было всего пять, выпили-же они цѣлый боченокъ. И не смотря на это, ни одинъ изъ нихъ, вставая изъ-за стола, даже и не пошатнулся. Пока остальные разбойники подчивали виномъ музыкантовъ, атаманъ снова обратился къ вашему покорнѣйшему слугѣ. Никакъ не хотѣлъ меня въ покоѣ оставить...

И такъ, мой старый господинъ (ахъ, чертъ тебя возьми съ твоимъ „старый господинъ“, да „старичекъ“! — ругался я внутренно) — и такъ, вы и не танцуете, и не кушаете, и не пьете? Какъ же вы время-то проводите? Въ картишки поигрываете, не такъ-ли?

Сказавъ это, онъ вытащилъ изъ кармана колоду картъ.

А! сообразилъ я; ему хочется вывѣдать, сколько я взялъ съ собой денегъ...

— Къ сожалѣнію, и въ карты не играю! Никогда въ жизни не случалось заняться этимъ!

— Ну, не велика бѣда! Я въ одну минуту научу васъ одной игрѣ! Она совсѣмъ незамысловата! Вотъ, взгляните! Сюда я положилъ одну, сюда другую карту. На эту карту ставьте вы, а на ту поставлю я! Кому первому выйдетъ фигура, тотъ и выигрываетъ. Негодяй, изволите видѣть, хотѣлъ учить меня играть въ ландскнехтъ! Точно, будто я за подобную выучку уже не поплатился... двумя изъ своихъ имѣній! И однако я, не смотря на это, дѣлалъ видъ, что въ первый разъ учусь у него этой игрѣ.

Нечего дѣлать, сѣлъ я съ нимъ играть. У меня въ карманѣ было немного мелочи; ну, что-жь ее и поставимъ, подумалъ я.

Что-о-съ? Вы хотите со мной играть на мѣдныя деньги? Позвольте узнать, за

кого-же вы меня принимаете, почтеннѣйшій? Ну-съ, глядите, закладываю банкъ! И онъ быстро высыпалъ на столъ цѣлую горсть новенькихъ золотыхъ.

Я тоже отыскалъ въ своей записной книжкѣ нѣсколько штукъ.

У меня руки дрожали, когда я клалъ свою монету на карту. Бетьяръ стасовалъ колоду—я выигралъ. Онъ, не говоря ни слова, отсчиталъ проигрышъ. Я ни за что въ мірѣ не согласился-бы дотронуться до выигранныхъ денегъ, а потомъ и оставилъ ихъ на столѣ, какъ будто для ставки. Снова выигралъ. Опять оставилъ въ видѣ ставки. И снова выигрываю, и такъ продолжается, въ третій, въ четвертый, въ пятый, въ шестой — потъ крупными каплями катился съ моего лба. Далеко не доставляетъ удовольствія выигрывать деньги у головорѣза. Представьте, и седьмую ставку я выигралъ. Я трепеталъ какъ осиновый листокъ. Отчего-же въ Пресбургѣ, на сеймѣ, не выпало мнѣ на долю такое распроклятое счастье! Я творилъ, мысленно, молитву: Боже! Избавь меня отъ подобныхъ денегъ! Дай выиграть хоть разъ и душегубу этому! Я молился горячо, но молитва не помогла! И на восьмой разъ выигрышъ былъ все-таки мой! Теперь, конецъ мой насталъ, думаю себѣ. Вонъ нахалъ еще и подсмѣивается: старипушка! Да вы навѣрное, безъ памяти влюблены въ прекрасную графиню? Иначе, откуда бы къ вамъ привалило такое удивительное счастье въ игрѣ?.. Онъ еще и трунить вздумалъ надо мной, нахалъ этакій! Вотъ стасовалъ онъ карты въ девятый разъ; у меня сердце билось такъ сильно, какъ будто изъ груди выскочить хотѣло... Фу, ты! Опять я выигралъ! Фекетэ Іоси стукнулъ кулакомъ по столу съ такой силой, что всѣ монеты запрыгали на немъ и поднялся съ мѣста. Нѣтъ, благодарю васъ, старый господинъ! Если вы будете все выигрывать, да выигрывать, то, въ какой нибудь часъ, я, пожалуй, спущу вамъ весь Бигарскій комитатъ! воскликнулъ онъ, хохоча громко, и спряталъ въ карманъ уцѣлѣвшія деньги свои. Съ дрожью во всемъ тѣлѣ, я попытался предложить ему весь мой выигрышъ. Гнѣвно сверкнувъ глазами, гордо, какъ гидальго посмотрѣлъ онъ на меня. За кого-же вы считаете меня, милостивый государь! Берите-же ваши деньги, а то я выброшу васъ за дверь вмѣстѣ съ ними! Господи! Что я стану дѣлать съ этимъ золотомъ, за которое, конечно, убили уже кого нибудь, и за которое убьютъ и меня! Растерянный, ошеломленный, я кинулъ все золото, до послѣдней монеты, музыкантамъ! И очень скоро мнѣ пришлось каяться изъ-за сдѣланной мною глупости! Вѣдь этой выходкой я только далъ понять, что я богатъ и деньги мнѣ ни по чемъ!..

Музыканты-цыгане тотчасъ окружили меня и стали упрашивать, чтобы я сказалъ, какую пѣсню я люблю больше всего, и что они сыграютъ ее мнѣ такъ, какъ я никогда еще въ жизнь свою не слыхалъ. Мнѣ хотѣлось поскорѣе отвязаться отъ ихъ любезности, и, съ этой цѣлью, я направилъ ихъ къ графинѣ.

Долго упрашивать себя она не заставила; затянула сейчасъ-же, своимъ дивнымъ, звонкимъ голоскомъ, — онъ знакомъ вамъ прекрасно — одну изъ народныхъ, своихъ любимѣйшихъ пѣсенъ. Затянула, знаете, такъ, что сердце у меня шибко, шибко забилось, и я совсѣмъ позабывъ, гдѣ я нахожусь, началъ рукоплескать самымъ неистовымъ образомъ,

точно я сидѣлъ въ Пештѣ въ своей ложѣ. Фекетэ Іоси тоже апплодировалъ и когда графиня кончила, самъ предложилъ ей спѣть свою пѣсню.

И затянулъ онъ одинъ изъ тѣхъ дикихъ, первобытныхъ мотивовъ, которые такъ часто, я думаю, приходилось вамъ слышать по селамъ, по заѣзжимъ дворамъ среди степи. Къ тому-же разбойникъ не могъ похвастаться умѣньемъ пѣть.

Послѣ этого онъ подошелъ ко мнѣ: „Теперь очередь за вами, папаша! Послушаемъ-ка вашу любимую пѣсенку...

Судите сами, какъ я опѣшилъ, какъ я долженъ былъ растеряться. Нѣтъ, вы только подумайте, меня просятъ пѣть, при такой обстановкѣ, меня — который только и могъ выучить на своемъ вѣку одинъ единственный романсъ „Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный!..“

— Мнѣ пѣть... да я, право, не въ состояніи... Я не умѣю... (А этотъ божественный дьяволенокъ, по милости котораго я очутился среди этой очаровательной обстановки, постоянно бывало умираетъ отъ смѣха, когда я, позабывшись, начинаю мурлыкать какой нибудь мотивъ! Да! у меня, непріятный, сиплый голосъ, какъ вы знаете... Даже павлинъ, и тотъ поетъ сноснѣе меня!)

Графиня, однако, поспѣшила сказать мнѣ по французски, чтобы я исполнилъ желаніе этихъ добрыхъ людей, такъ какъ мой отказъ можетъ повредить намъ всѣмъ...

Прошу покорно!.. Этого я никакъ не ожидалъ! Что тутъ было дѣлать?.. Съ мучительной тоской въ душѣ, съ мучительными спазмами въ горлѣ, затянулъ и я: „Ты помнишь-ли, товарищъ неизмѣнный“ — и, конечно, мое пѣнье, или вѣрнѣе, ревъ, завыванье, раздирало сердце и еще болѣе уши слушателей. Половину пѣсни я тянулъ кое-какъ, съ грѣхомъ по поламъ, но дальше, когда проклятый голосъ совсѣмъ измѣнилъ мнѣ — вѣдь надо-же было такой бѣдѣ приключиться, — я вмѣсто труднаго перехода икнулъ такъ громко, что графиня моя не выдержала, прыснула — и расхохоталась до боли въ груди. Душегубцы дружно стали вторить ей; наконецъ, не вытерпѣлъ и я и сталъ хохотать вмѣстѣ со всѣми, хохотать, какъ и они, до упаду, судорожнымъ, неудержимымъ смѣхомъ. А между тѣмъ, вѣрите-ли, мнѣ, ей Богу, нисколько не было весело!

Скоро неистовый хохотъ прекратился; мало-по-малу всѣ успокоились и импровизированный балъ продолжался.

Танцы возобновились. По прежнему, графиня плясала съ увлеченіемъ, не чувствуя усталости. Не переводя духа, не присѣвъ ни разу отдохнуть, протанцовала она до самаго утра. Она кончила лишь тогда, когда солнечные лучи заглянули въ окошки корчмы. Тутъ она попросила своего кавалера распорядиться, чтобы запрягали лошадей, — „мнѣ уже давно пора“, прибавила она съ улыбкой.

Вотъ теперь должна наступить развязка, подумалъ я, Боже, помилуй и спаси насъ!..

Разбойничій атаманъ тотчасъ вышелъ, разбудилъ кучера и лакея, приказалъ запрягать и когда экипажъ былъ готовъ, пришелъ объявить намъ.

О, конечно, они намѣреваются покончить съ нами дорогой! сказалъ я самъ себѣ.

Я трусилъ еще болѣе, чѣмъ прежде, когда садился теперь въ карету. Мнѣ показалось крайне подозрительнымъ, что разбойники не потребовали у меня мой кошелекъ теперь-же.

Фекетэ сѣлъ верхомъ на лошадь и проводилъ насъ до большой дороги. Тутъ онъ разсказалъ намъ, куда слѣдуетъ держать дальнѣйшій путь, снялъ шляпу, вѣжливо раскланялся и на прощанье пожелалъ намъ пріятно провести время. Затѣмъ онъ повернулъ и быстро поѣхалъ къ своимъ головорѣзамъ.

Я вздохнулъ свободно только тогда, когда мы пріѣхали въ Зеріедъ. И тутъ-то я не утерпѣлъ и началъ высказывать графинѣ, какъ она опрометчиво всегда поступаетъ; я указалъ на опасность, которой она подвергалась и отъ которой избавилась единственно благодаря тому, что я все время держалъ себя въ высшей степени съ достоинствомъ. И не будь меня, кто знаетъ, что-бы они сдѣлали съ графиней... А потомъ, какъ она унизилась! Эту ужасно —танцовать до самаго разсвѣта чардамъ съ бетьярами.

Надо отдать ей справедливость, она выслушала меня терпѣливо, до конца. Затѣмъ она быстро спросила меня:

— A propos, милый баронъ! Вы не хотите вздремнуть немного?

— О, совсѣмъ нѣтъ! отвѣтилъ я ей недовольнымъ тономъ.

— Въ такомъ случаѣ, будьте любезны, спойте мнѣ вашу пѣсню, ту, которую вы не кончили тамъ, въ корчмѣ!..

Можете представить себѣ, messieurs, какое сильное влеченіе ко сну почувствовалъ я вдругъ!

Всю дорогу, до тѣхъ поръ, пока мы не пріѣхали въ Арадъ, я ласкалъ себя надеждой, что графиня, въ награду за мое молчаніе обо всемъ случившемся съ нами, покажетъ мнѣ знаки своего особеннаго благоволенія къ моей особѣ. Но, Боже, какъ жестоко обманулся я!

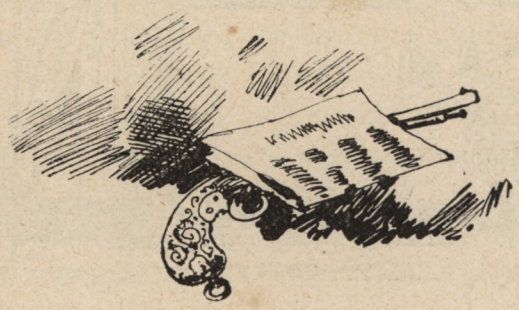
Мы прибыли въ Арадъ около шести часовъ, а въ половинѣ седьмаго наше приключеніе сдѣлалось уже извѣстнымъ всему бомонду... Вотъ видите, графиня не оставила мнѣ даже и этаго маленькаго барыша...

На балѣ, въ этотъ вечеръ у нея не было соперницъ. Она не принимала участія въ танцахъ, отказавшись такимъ образомъ отъ своихъ блистательнѣйшихъ тріумфовъ,— и не смотря на это, все таки царицей бала была—она! Всякій разъ, когда приходили ангажировать ее, она отказывалась, ссылаясь на свое утомленіе. И, понятно, ей нельзя было не вѣрить. Еще бы не устать, когда она протанцовала восемнадцать разъ чардамъ, восемнадцать—въ одну ночь! Вотъ я, кажется и не танцовалъ, а измучился до смерти, какъ собака усталъ...

Явясь на балъ, я живо проскользнулъ въ игральную комнату. Ну, думалъ я, сегодня мнѣ страшно везетъ, значитъ я могу рискнуть. За однимъ столикомъ сражались въ ландскнехтъ! Постойте, постойте, миленькіе, мысленно говорилъ я самъ съ собой, вотъ когда мы обчистимъ васъ, какъ слѣдуетъ!

И обчистилъ-же я ихъ въ самомъ дѣлѣ... Чертовски ловко обчистилъ: не только продулъ всѣ наличныя денежки, но еще тысячу гульденовъ проигралъ на честное слово... Вотъ такъ повезло!..

Черезъ полгода послѣ этого событія, въ отдѣлѣ новѣйшихъ извѣстій, въ какой-то газетѣ я прочелъ слѣдующее: „Знаменитый предводитель разбойничьей шайки, Фекетэ Іоси, приговоренъ къ смертной казни военнымъ полевымъ судомъ въ Чегединѣ, гдѣ означенный приговоръ, третьяго дня, и приведенъ въ исполненіе, въ такомъ-то часу.

Я поспѣшилъ къ очаровательной графинѣ, чтобы подѣлиться съ ней такой интереснѣйшей новостью.

Грустно! воскликнула она, прочитавъ и бросивъ газету, онъ восхитительно танцовалъ чàрдамъ!..